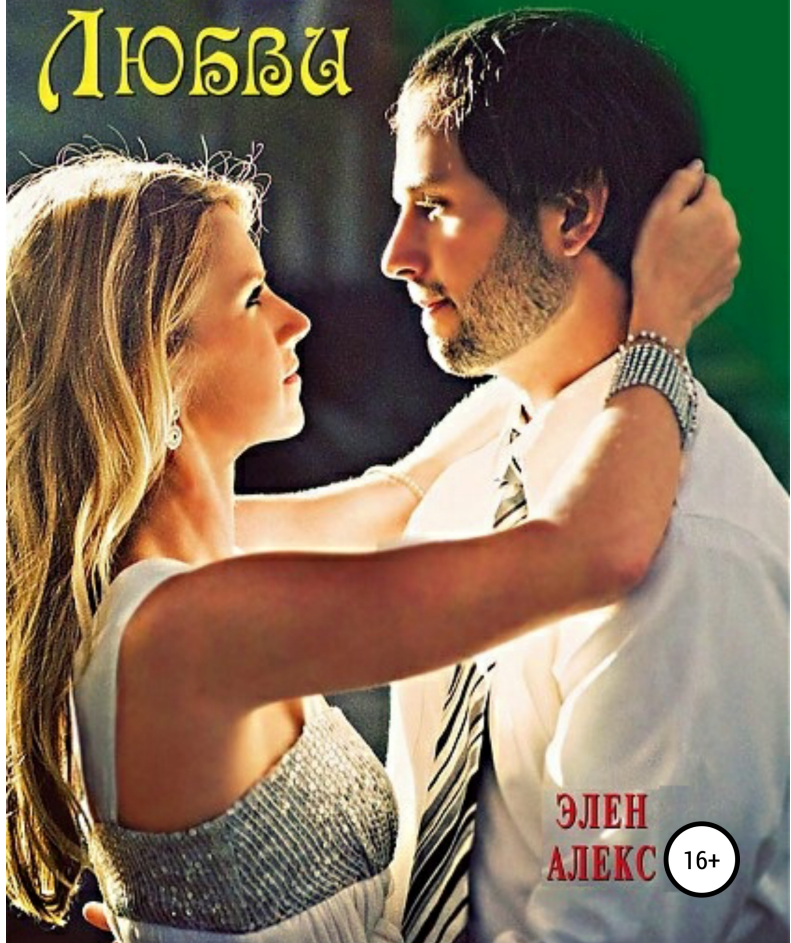

Горы Любви

**ЭЛЕН
АЛЕКС**

16+

Элен Алекс

Горы любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56511094

SelfPub; 2020

Аннотация

Анна – обычная учительница, Мэл – известный киноактер и красавец-мужчина, но это не мешает им много лет страстно и преданно любить друг друга. Вот только есть обстоятельства, которые мешают им соединиться... А потом любимая племянница Анны, юная Нэнси, влюбляется в Стива, сына Мэла. И некие обстоятельства теперь не дают соединиться Нэнси и Стиву... И судьбы этих четверых переплетаются в такой запутанный клубок, что невозможно догадаться, к чему все это однажды приведет...

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Часть 1

Ни за что не угадаете, где я сейчас живу, но пусть вас это особо не смущает. Если бы какой-нибудь всезнающий человек сказал мне, что я буду здесь однажды жить, я бы ему ни за что не поверила.

Все-то нам кажется, что нас минуют все напасти. Слишком грустно для одной жизни находиться там, где не хочешь находиться. Общаться с теми людьми, которые не очень нужны.

И думать о том, о чем иногда приходится думать.

Грустно сознавать, что мало что зависит от тебя, а жизнь тем временем идет к концу.

С каждой новой мыслью, с каждым новым шагом и каждым прошедшим днем жизнь неминуемо идет к концу. И все, что ты знаешь, чувствуешь и собой представляешь, в один прекрасный миг тоже уйдет с тобой.

Не каждому удается изменить свою жизнь после сорока. Моя толстая сестра Роза утверждает, что я свой шанс упустила.

События, о которых я хочу рассказать, вмещаются в одно лето. Солнечное, яркое и неповторимое лето. В то время я работала учительницей литературы, и у меня были каникулы.

А потому я полностью принадлежала себе, своим мыслям,

делам и поступкам.

Теперь мне иногда кажется, что моим предназначением в жизни было именно то лето.

И мое существование на земле сводилось только к тому, чтобы в те жаркие месяцы сделать именно то и именно так, и никак иначе. А вся моя жизнь до того лета и мои мысли и чувства после него были уже мало кому нужны, понятны и интересны.

Сейчас у меня тоже много времени на всякие бестелесные размышления. Плотной белесой дымкой они ограждают меня от окружающей действительности, и мне в них уютно, спокойно и хорошо.

И все больше и больше я прихожу к выводу, что наша жизнь – это мираж, в котором мы сами редко принимаем активное участие. Обычно все зависит от каких-то проходящих мимо нас людей, от их взглядов, мыслей, желаний и поступков.

К тому же нам даются слишком слабые тела для тяжелой жизни на этой прекрасной земле. Мы разбиваем всласть свои сердца ради каких-то неоправданных надежд, о которых завтра уже и не вспомним.

Мы сами придумываем себе тот нереальный мир, в котором хотели прожить, и ждем счастья, мало представляя, что это такое. Но теперь-то я точно знаю, что счастье – это и есть то, чего ждут всю жизнь. И чем больше нам кажется, что мы вот-вот его настигнем, тем оно становится дальше и

нереальнее для нас.

То же самое и с горами любви. Все знают, что они где-то существуют, но еще ни один человек их не видел. Моя сестра всегда говорила, что я вру про эти горы, и неизвестно откуда такое вранье пришло мне на ум. Но я точно это знаю, всю жизнь со мной была эта мысль. Она проста, как мир. Вот она:

«И когда поднимутся в тебе горы не востребованной любви, кто придет на помощь – сладить с этим?»

Наверное, это мне внушили ангелы. Я этого не помню, но наверняка все было именно так. И было это тогда, когда мир только начинал открываться мне, и я начинала его познавать. И когда моя мама была только моей мамой и больше никем, и моя маленькая комната вмещала в себя целый мир. И моя детская кровать, которую мы долго не выбрасывали только потому, что я никак не могла этого представить, была той вселенной, которая вмещала в себя огромную человеческую жизнь, и эта жизнь только начиналась.

Все, что было со мной потом, тут же растворялось в тумане времени и лишалось всяческого смысла. И несколько строк, наскоро записанных в дневник, казались тогда чем-то мимолетным и неважным. А потом вдруг оказывалось, что именно эти строки и были самым существенным в тот год, который, кстати, тоже давно канул в Лету.

И однажды детство кончилось, и я поняла, что мне уже не семнадцать лет, а намного больше. А потом настал в моей биографии и такой момент, когда я смогла запросто выгова-

ривать вслух, что мне давно за сорок, и быть гордой и счастливой оттого, что мне еще не восемьдесят.

А недавно я подумала, что когда мне действительно исполнится восемьдесят лет, то и в этом возрасте я останусь самой собой. И мир вокруг меня никак не поменяется, и мое отношение к этому миру останется таким же, каким было совсем недавно, в детстве.

А разговоры о том, что, когда человек стареет, его мысли начинают останавливаться и мир вокруг него становится другим, так это, мои дорогие, пустая болтовня. Я знаю, что и в восемьдесят лет черное для меня останется черным, а белое – белым.

И небо за моим окном будет голубое, как и за вашими окнами, а трава у моего дома будет такая же зеленая, как и в ваших палисадниках. И сердце мое будет так же замирать, если я представлю себе образ человека, который всю жизнь хотел быть рядом со мной, да только никак не мог на это решиться.

Под конец жизни я мечтаю вытворить что-нибудь эдакое, чтобы запомниться миру. Ведь смог наш сосед спрыгнуть с парашютом в девяносто один год, а он был уже совсем плох, у него даже один глаз не открывался. Но зато его потом несколько раз показывали по телевизору, и он был очень горд этим, когда после своего подвига долго лежал в больнице, из которой, правда, так и не вышел.

А еще я собиралась составить список дел, которые нужно

будет сделать в следующей жизни, а также записать, какие дела делать не следует. Знать бы только, где этот список нужно будет оставить, чтобы непременно найти его в следующей жизни, и быть там самой умной и своих ошибок больше не повторять.

Но одно я знаю точно. Я знаю, что в следующей жизни буду высокой и длинноногой блондинкой, и один человек, имя которого Мэл Рэндон, наверняка обратит на меня свое внимание.

И тогда у него не будет никаких существенных причин для того, чтобы не быть со мной. Ни в виде его большой жены, которая, кажется, будет жить вечно и переживет всех нас вместе взятых. Ни в виде его любимой работы, которой он с таким остервенением и безысходностью отдает всего себя и которая его просто поедом ест без всякого зазрения совести.

Моя толстая сестра Роза любит рассказывать мне, что я совсем не так прожила свою жизнь. Что я все делала не то и не так, а надо было делать то и так и быть от этого счастливой, толстой и довольной, как она.

Обычно я выслушиваю ее тирады молча и даже не пытаюсь в очередной раз объяснить ей, что человек в любых обстоятельствах ощущает себя достойным человеком. И я бы ни за что не променяла свою одинокую жизнь на ту шумную компанию, которую наплодила себе моя сестра и которой теперь решительно не было до моей сестры никакого дела.

И как-то раз произошел между мной и моей сестрой один

разговор, которому мы обе не придали никакого значения, но который всплыл немного позже, пару месяцев спустя, и был отправной точкой в суде, когда слушалось самое громкое дело в нашем городе в то лето. Бог мой, с тех пор уже столько времени прошло, а мне кажется, это было вчера.

Я вообще прекрасно все помню, я даже помню, как родители возили нас с сестрой на большую красочную ярмарку в соседний город, и нам было тогда очень мало лет. Ездили мы туда на нашей старой зеленой машине, и на нас с сестрой были яркие оранжевые платья.

Хотя, когда я рассказываю об этом сестре, которая в упор ничего не помнит, ведь у нее память совсем никуда не годится, она говорит, что все это неправда. И что этого не было, и я совсем спятила, и наша мать никогда так безвкусно нас не одевала, хоть нам и было очень мало лет.

Так вот, плохая память плохой памятью, а о том разговоре моя сестра быстро вспомнила, как только судья торжественно попросил ее говорить правду и только правду, и ничего кроме правды. Да я ее и не виню, мою сестру, кто ж знал тогда, чем все это впоследствии обернется.

Зимой серое небо за моим окном сливается с горизонтом, и если отойти от окна на несколько шагов, то не видно, идет на улице снег или уже не идет. А летом небо ярко голубое, и ослепительные белые облака изящны и свободны, как никто на земле. Они грациозно плывут по своим делам, и им глубоко наплевать на наши земные страсти, заботы и законы.

И так все продолжается: зима – лето, зима – лето, все очень быстро. И продолжается моя жизнь.

Но, несмотря ни на что, меня утешает то обстоятельство, что моя любимая племянница Нэнси сейчас счастлива и спокойна, и она не повторяет моих ошибок. Хотя в чем все-таки заключается самое настоящее счастье и правда жизни, никто толком ничего не знает.

Как не знает этого и моя сестра, хоть она и считала себя всегда самой умной, и по этому поводу она частенько приходила ко мне почитать лекции о смысле жизни. А я ей не перечила, я думала, пусть говорит, ведь у нее дома ее давным-давно никто не слушал.

* * *

День, когда произошел тот разговор, был самым обыкновенным. День как день, просто подошла его очередь, и он настал. Правда, с утра мне принесли цветы, белые лилии. Мэл Рэндон всегда присылал мне цветы, когда появлялся в городе после долгого отсутствия. Но в этом давно не было ничего необычного, ведь со временем чувства притупляются, какими бы сильными они ни были.

Так же и у Мэла Рэндона, я думаю, тоже давно должны были угаснуть его невероятные эмоции по поводу меня. И сейчас у него должна была остаться лишь одна идея-фикс, что вот, мол, он такой весь из себя распрекрасный, яркий и

неповторимый блондин, а любит ничем не примечательную смуглую и темноволосую женщину. То есть меня.

– О, Мэл опять прислал тебе белые лилии, – сказала сестра, шумно вторгаясь в то утро в мою тихую жизнь и царственно усаживаясь в огромное кресло, одно из двух, доставшихся нам с ней в наследство от родителей.

У нее дома стояло такое же, и на нем было написано: «Розе от родителей». Это было очень трогательно, наши родители были мастера на подобные штуки. На моем кресле когда-то было написано «Анне от родителей», но мою надпись сестра давным-давно просидела.

– Он всегда присылает мне белые лилии, – сказала я.

– А тебе не кажется, что ты давно превратилась для него в идею-фикс? – сказала Роза и попала в точку.

Но я не стала ей потакать.

– Нет, не кажется, – ответила я.

Роза была толстой, расплывшейся и уставшей от жизни женщиной. Но она была моей единственной сестрой, и другой сестры у меня никогда не было. И потому я всегда мирилась со всеми ее взглядами и предположениями и в большинстве ситуаций старалась ей не перечить.

– Ты думаешь, он к тебе действительно до сих пор что-то испытывает? – продолжала выпытывать Роза, бережно поправляя примятые рукава платья.

– Это пусть тебя не волнует, – сказала я.

За сестрой было интересно наблюдать, она уютно вписы-

валась в мое огромное кресло.

– Как с тобой скучно, – сказала она и надулась.

– А ты пришла сюда повеселиться?

– А ты считаешь, в твоей биографии можно найти что-то веселое?

Я возвела глаза к потолку. Это означало, что данную тему я не хочу больше развивать, и Роза по этому поводу даже немного помолчала.

Я сварила ей кофе и налила его в маленькую чашку. Я протянула чашку с горячим кофе сестре, она отпила маленький глоток и блаженно улыбнулась.

– А тебе не кажется, – сказала она, уютно устроившись в моем кресле и потягивая кофе, – тебе не кажется, что, если бы он не был женат, у него нашлась бы тысяча других причин, чтобы не быть с тобой?

– Все может быть, я не ясновидящая, – сдержанно ответила я, намекая, что данный разговор нам тоже не имеет смысла продолжать.

Но на Розу было весьма трудно воздействовать подобными уловками.

– Совершенно не обязательно быть ясновидящей, чтобы понять это, – сказала она.

Я промолчала. Тогда сестра решила продолжить такую увлекательную тему без моего участия.

– И тебе вовсе не обязательно столько лет ждать, пока она умрет, – сказала она.

– Кто умрет? – не поняла я.

– Как кто? Его жена, разумеется.

– Что ты, бог с тобой, я вовсе не жду, пока она умрет, – напряглась я.

– И ты могла бы ее запросто уже давно, ну хотя бы, на худой конец, отравить, – невозмутимо закончила мысль сестра.

Я в ужасе посмотрела на нее.

– Ну и как ты себя теперь чувствуешь после подобного заявления? – спросила я.

– Нормально чувствую, – ничуть не смутилась Роза и отпила еще глоток кофе, – больше всего в данной ситуации меня волнует, как чувствуешь себя ты. Ведь он столько лет не может с тобой быть только потому, что у него такая больная жена, и он никак не может ее по этому поводу бросить, а то ее, видите ли, это очень расстроит. Но все эти годы я наблюдаю за этой дамочкой и вижу, что ничего с ней не случается, жива-живехонька!

Я не стала делать резких движений и отвечать что-либо сестре на подобные инсинуации. Я молча встала, открыла входную дверь и вышла из дома.

Прямо перед домом у меня был разбит маленький сад. Этим садом я занималась много лет, об этом моем увлечении знал весь наш маленький город.

И почти все наши жители из своих путешествий привозили мне разнообразные семена и луковицы невообразимых цветов и растений. Большинство из них мы и названий-то

никогда не знали, многие из этих растений были однолетними, и больше мы их никогда не встречали, об их великолепном цветении город еще долго вспоминал.

Вот и сейчас, когда я вышла из дома, на моем заборе висела одна из соседок и любовалась садом.

– Скажи, Анна! – крикнула она мне. – А что, твой розовый куст, кажется, больше не будет цвести?

– Да, по-моему, больше не будет.

Я посмотрела на огромное розовое дерево, которое в прошлом году цвело удивительными розовыми цветами. А в этом году время цветения давно прошло, а на нем так и не появилось ни одного бутона.

– Как ты думаешь, Анна, он будет еще жить? – спросила соседка про розовый куст.

– Думаю, больше не будет.

– Он, кажется, вот-вот засохнет, – высказала предположение соседка.

– Да, кажется, вот-вот, – сказала я, оглядывая удивительное розовое дерево. Почему они называют его кустом?

Дерево было большое, нежное и прекрасное. Но помимо сухих листьев на нем сейчас были заметны высыхающие ветки.

Из дома на улицу вышла моя сестра Роза. Они с соседкой приветственно покивали друг другу головами.

– Единственное приятное место в нашем городе, – сказала соседка, указывая носом на мой сад, – только здесь я от-

дышаю душой.

– Так разведи себе такой же, – предложила сестра.

– Что ты, – возмутилась соседка, – откуда у меня столько свободного времени?

Соседка еще несколько секунд поотдыхала душой, а потом со всех ног бросилась по своим неотложным бесконечным делам.

– Нужно прислать к тебе Нэнси, – сказала сестра, – а то у нее, я думаю, слишком много вопросов к тебе в последнее время накопилось.

– Каких вопросов?

– Сами разберетесь, у вас ведь с ней много общего.

Сестра еще некоторое время побыла со мной, а потом тоже ушла. И я опять осталась одна.

Солнце золотило листья деревьев и лепестки цветов в саду, а в доме меня ждали белые лилии. И это были самые прекрасные в мире цветы, присланные самым непоследовательным и очень дорогим мне человеком.

* * *

Сегодня у города был праздник. Не каждый день сюда приезжает известный и популярный актер, добившийся катастрофической славы и умопомрачительного признания.

Тем более, этот актер родом из нашего города, здесь его частенько видят на улице, знают в лицо, любят и почитают.

И каждый булочник, продавцы мороженого и газет, таксисты и чистильщики обуви стремятся пожать ему руку и выразить уважение и почтение.

Мэл Рэндон – имя этого человека. Рэндон Мэл. Удивительное сочетание звуков и букв, о котором мне стоит только подумать или услышать, как я начинаю ощущать плоть, суть, дух и присутствие этого человека.

Девицы начинали рвать на себе одежду, как только он приехал в город после съемок очередного фильма, а подростки всеми правдами и неправдами зависали на высоком заборе, окружающем его большой дом. Городские домохозяйки жадно ловили последние сплетни о нем, и только я одна во всем городе была спокойна, как никто и никогда.

Мне не нужно было закрывать глаза, куда-то бежать и что-то предпринимать. Ведь этот человек и так всегда был рядом со мной. Он никуда от меня не уезжал, не улетал и не уплывал.

С первой нашей встречи и с первого взгляда он навсегда остался рядом со мной, а я – с ним. И, чтобы уже никуда не уйти друг от друга, он поселился в моем сердце, а я – в его.

Но только это – наш с ним секрет от всего города, от всего мира, да и всей нашей галактики. Ведь у него больная жена, карьера и проблемы, и в этой жизни нам от них уже никуда не деться.

И потому-то мы с Мэлом Рэндоном, этим удивительным и дорогим мне человеком, в нашей будущей жизни сбежим

от всех на необитаемый остров в огромном голубом океане. И пусть только попробует нас там хоть кто-нибудь найти.

Над нашими головами будет синее небо, под ногами будет рассыпаться золотой песок, а наши сердца будут распахнуты, чисты и нежны. И нам не нужно будет больше ни изворачиваться, ни врать, ни банально отворачиваться при встрече.

И тогда-то мы встретим их, горы любви. Все знают, что они где-то есть, и именно об этом рассказали мне в детстве ангелы на своем неповторимом и непонятном языке. И было это в то время, когда взрослый мир с его притворством, условностями и неразрешимыми проблемами был от меня еще так нереален и далек.

После ухода сестры я некоторое время стою на улице, а потом захожу обратно в дом. Я набираю чашку жареной кукурузы, сажусь в кресло и включаю телевизор.

У города сегодня праздник, приезд известного актера, и это событие будет весь день смаковаться местным телевизионным каналом. А через пару дней они забудут о существовании известного актера, ведь этот человек – житель нашего города, здесь его дом, семья, он никуда отсюда официально не переезжал и переезжать не собирается.

Но не может же город испытывать по этому поводу постоянную агонию счастья, это было бы противоестественно. И послезавтра все будут обсуждать новость про размножившегося в местном зоопарке редкостного зверька или какую-нибудь другую ерунду.

А Мэл Рэндон сможет опять принадлежать самому себе, спокойно выходить из дома, заниматься делами на своей чайной фабрике и встречаться со мной.

Сегодня по телевизору только о нем и говорят. Почти каждые полчаса показывают, как он спускается по трапу самолета и сразу попадает в теплые объятия друзей, родственников и журналистов. И ему тут же приходится отвечать на глупые вопросы последних.

– О, Мэл Рэндон, это вы? – восторженно спрашивают журналисты.

Мэл Рэндон улыбается.

– Да, кажется, это я.

– В последнем фильме вы удачно станцевали румбу, кто вас этому научил? – спрашивают журналисты.

– Не скажу, – честно отвечает Мэл.

Солнце слепит ему глаза, ветер обдувает лицо, но Мэлу Рэндону все нипочем. Он улыбается нам с экрана так, как будто он первый мужчина во вселенной, и не страшны ему ни бури, ни снега, ни мировой потоп.

– Чем вы красите волосы? – не унимаются журналисты.

– Вы постоянно меня об этом спрашиваете, – обижается Мэл Рэндон, – я ничем их не крашу, как вы могли такое подумать?

Мы с Мэлом не виделись ровно два с половиной месяца, и я вижу, что он изменился ровно на два с половиной месяца, и у его глаз появились новые, едва заметные морщинки.

Я слегка наклоняю голову, внимательно смотрю на экран, и мне кажется, что ресницы и волосы у него на солнце – золотые.

– О чем будет ваш новый фильм и куда вы поедете на его съемки? – спрашивает, прорвавшись вперед, хорошенькая журналистка.

– Я, кажется, еще приехать не успел, – подмигивает ей Мэл Рэндон, и дома он наверняка получит за этот необдуманный жест грандиозную выволочку от своей дражайшей половины.

– Планируете ли вы какие-нибудь мероприятия в нашем городе? – спрашивают уставшего Мэла Рэндона любознательные журналисты. – Что намерены делать с последним гонораром? Собираетесь ли поддерживать отношения с партнершей по последнему фильму, если да, то какие, и как к этому отнесется ваша жена, как вы думаете?

И Мэл Рэндон, умница и красавец Мэл Рэндон, терпеливо отвечает на их повторяющиеся от раза к разу односложные вопросы. Но родственники и друзья Мэла Рэндона не выдерживают этого затянувшегося мероприятия и, окружив Мэла плотным кольцом, вталкивают его в машину.

Журналисты долго бегут за ними по летному полю с протянутыми микрофонами, а потом кидаются к своим машинам и мчатся вдогонку за известным актером. Ведущий телепередачи, комментируя эти события, использует такие слова:

– Наши корреспонденты присоединились к кортежу ма-

шин Мэла Рэндона и последовали за ним.

Чуть позже нам показывают вереницу машин, подъезжающих к дому Мэла Рэндона.

У его ворот, оказывается, терпеливо расположилась еще одна команда неугомонных журналистов, а может, они просто были у начальства на понижении.

Они сфотографировали, как Мэл Рэндон выходит из машины, но его тут же окружает плотное кольцо друзей и родственников. И через несколько секунд толпа журналистов остается перед захлопнувшимися воротами дома Рэндонов.

И этот сюжет местный канал будет транслировать раз двадцать пять сегодня и почти столько же завтра. А через пару дней это всем окончательно надоест, и неповторимый Мэл Рэндон сможет спокойно выйти из дома.

А еще через пару дней на каком-нибудь из потрепанных временем автомобилей, не боясь быть узанным, он сможет подъехать к моему дому и сделать три долгих гудка и два коротких. И тогда я вновь увижу его лицо, улыбку и почувствую его сильные, крепкие руки. Но только уже не во сне, а в жизни, наяву.

* * *

К вечеру ко мне приходит моя любимая племянница Нэнси. Я ее обнимаю и глажу по голове, а она утыкается лицом ко мне в грудь. Нэнси – восемнадцать лет, а это очень сложно.

– Тетя Анна, как хорошо, что ты у меня есть, – говорит она.

– А как хорошо, что ты у меня есть, дитя мое, – отвечаю я. И мы друг другу улыбаемся, и нам очень здорово.

Потом некоторое время я наблюдаю, как Нэнси ходит по дому в прострации и отрешенно рассматривает все предметы, которые она вообще-то уже видела и даже не один раз. И я понимаю, что у нее есть вопросы, но когда их нужно будет задать, может решать только она сама.

Пока она ходит по дому, я завариваю чай с тонизирующими травами. Нэнси отпивает пару глотков и расслабляется.

– А может, я зря так переживаю, – говорит она, – может, все нормально?

– Ты о чем?

– Меня замуж выдают, – спокойно сообщает Нэнси.

Я чуть не давлюсь чаем.

– Быть не может, – говорю я.

– Правда-правда, – улыбается Нэнси.

По-видимому, ее чересчур расслабил мой чай, раз она начинает относиться к подобным вещам с таким спокойствием.

– Но мы не в Средневековье живем, твои родители не могут с тобой так поступить, они не могут сделать это без твоего согласия.

– А я, наверное, соглашусь.

– Но почему?

– Все к этому идет, я не могу их огорчать, они же мои

родители.

Я ничего не говорю ей на это.

– Почему ты молчишь, – спрашивает меня Нэнси, – почему ничего не говоришь?

– Не могу же я сейчас за полминуты растолковать тебе прописные истины, которые каждый человек в своей жизни должен понять самостоятельно.

– Но никто все равно не знает, где правда в этой жизни. И никто не знает, права ли моя мама, выйдя замуж по расчету без любви, или права ты, всю жизнь любящая человека, которого по-прежнему нет рядом с тобой.

Я опять некоторое время молчу.

– Вот именно поэтому я и не набрасываюсь на тебя, чтобы делиться соображениями по поводу того, что ты собираешься сделать, – говорю я, – потому что никто не знает, где правда.

– Тогда давай пока оставим все, как есть. Тем более мне дали время подумать до конца лета.

– Ах, тебе еще дали время на размышление, – пытаюсь иронизировать я, – как это мило с их стороны, значит, все не так печально.

– Они уверены, что я не буду их огорчать.

– А почему твоя мать, когда была у меня сегодня утром, не рассказала об этих их чудесных родительских планах насчет тебя?

– Она боялась, что ты запустишь в нее этим креслом, –

говорит Нэнси и указывает на огромное кресло, которое вообще-то могут сдвинуть с места четверо упитанных мужчин.

– Можешь передать ей, что я всегда успею это сделать, – говорю я, и мне совсем не до смеха.

Нэнси же, наоборот, долго хохочет.

– Почему ты не спрашиваешь, кто этот счастливчик? – говорит чуть позже Нэнси.

– Потому что мне решительно все равно, – отвечаю я, глядя в окно, – в любом случае они все тебя недостойны.

За окном едва заметно темнело, солнце осторожно собирало с земли последние лучи.

Я постаралась обратить внимание на ближайšie деревья.

– Это Билл, – говорит Нэнси.

От неожиданности я не сразу понимаю, что к чему.

– Какой Билл? – спрашиваю я.

– Страшила Билл.

А мои деревья неплохо смотрятся в надвигающихся летних сумерках.

– Какой Страшила Билл? – спрашивает кто-то вместо меня.

– Билл Корриган, – отвечает Нэнси и тоже начинает смотреть в окно.

– Билл Корриган? – Я прихожу в ужас. – Ты собираешься выйти замуж за одного из Корриганов?

– По крайней мере, мы – одного круга.

– О чем ты?

Нэнси вздыхает.

– Еще никому из Корриганов не удалось толком даже школу закончить, – говорю я.

– Что такое два плюс два они прекрасно знают, – заступается за бездарных Корриганов моя любимая племянница, – и бизнес у них неплохо процветает.

– Ты собираешься им помогать?

– Нет, я собираюсь сидеть дома с детьми.

– С их детьми? – уточняю я.

– Нет, со своими.

– И как долго?

– Пока им не надоем.

– Кому? Корриганам?

– Нет, своим детям.

– А как же Корриганы?

– Корриганы будут сами по себе, а я – сама по себе.

– Но ты же собираешься стать их частью.

– Значит, наверное, я их, в конце концов, полюблю.

– Что, всех сразу?

– Ну, может быть, некоторых из них, – размышляет моя любимая племянница.

– Нэнси, разве ты об этом мечтала?

Нэнси замолкает и опять отворачивается к окну.

– Ты же хотела учиться, – говорю я, – еще не конец света, тебе только восемнадцать лет. Зачем выходить замуж за неизвестно кого? А как же Толстой, Достоевский, Сэлин-

джер, Фицджеральд, Пруст? А как же все, чему я тебя когда-либо учила?

– Не беспокойся, тетя Анна, все это всегда будет жить в моем сердце.

– А как же любовь? – спрашиваю я тогда.

Нэнси замолкает.

– О чем ты, тетя Анна, – тихо говорит Нэнси, – любовь даже не знает о том, что я существую.

И я наблюдаю, как Нэнси опускает глаза.

– Любовь прекрасно знает о твоём существовании, – говорю я, – только один человек об этом пока не догадывается.

– Я это и имею в виду.

– Но еще не поздно что-нибудь придумать или немного подождать. Совсем не обязательно по этому поводу выходить замуж за каких-то там страшил.

Нэнси сокрушенно пожимает плечами.

– Что мы можем придумать? Я жду этого человека всю жизнь. Сколько себя помню, где бы я его ни встречала, я забывала обо всем на свете, застывала на месте и начинала смотреть на него, раскрыв рот. А он ни разу на меня так и не взглянул.

– Значит, нужно придумать что-нибудь другое, а не застывать при виде него, раскрыв рот.

Нэнси улыбнулась.

– Ты предлагаешь мне как-то действовать? – говорит она.

– Пока не знаю, надо подумать.

– Он всегда в обществе каких-то девиц.

И не таких, как я, а нахальных, красивых и роскошных.

– Если он всегда в обществе каких-то девиц, это говорит только о том, что он еще не встретил ту, одну-единственную, на поиски которой у иных людей уходит вся жизнь.

– Да, но этой одной-единственной вряд ли когда-нибудь буду я, – вздыхает Нэнси, – любовь так немилосердна.

– Любовь очень милосердна. Но только то, как она милосердна, ты поймешь не сейчас.

– А когда? – поднимает на меня Нэнси свои печальные глаза.

– Гораздо позже.

– Когда будет уже слишком поздно?

Я улыбаюсь.

– И тогда, – говорю я, – ты поймешь, что слишком поздно не бывает никогда.

Под конец разговора я вижу, что Нэнси действительно гораздо легче.

– Я пока тебе ничего не скажу, – говорит она, прощаясь со мной у порога, – но, кажется, я уже что-то придумала.

– И что же?

– Пока не скажу.

А затем она целует меня и уходит. После ее ухода я еще несколько раз вижу по телевизору, как умница и красавец Мэл Рэндон спускается по трапу самолета и терпеливо отвечает на глупые вопросы хороших журналисток.

Но уже слишком поздно, и я ложусь спать. Я укрываюсь разноцветным одеялом и думаю о том, что завтра нужно встать пораньше и, пока весь город будет спать, полить мой экзотический сад. А то дождя в этом месяце, по всей видимости, не предвидится.

А когда я уже почти сплю, мне начинает сниться огромный самолет и трап, по которому спускается удивительный человек Мэл Рэндон. В руках у него огромные белые лилии, он улыбается и подмигивает кому-то, кто стоит внизу и ждет его у трапа.

И я вижу, что это я стою внизу и жду его у трапа, и я тоже улыбаюсь ему и прикрываю рукой глаза от утреннего солнца.

* * *

Так потихоньку и закончился этот день, и город, не спеша, отходил ко сну. И только в одном из домов праздник еще продолжался.

И этот дом был домом Рэндонов.

Бесчисленные друзья и родственники Рэндонов были от всей души рады очередному поводу для праздника. А потому, казалось, и не собирались до утра покидать только сегодня прибывшего и уставшего после двух перелетов известного и популярного актера.

В самый разгар веселья папа Мэла Рэндона Тим Рэндон самый старший даже позволил себе встать на стул и произ-

нести длинный монолог о красоте жизни, о знаменитом сыне и о себе любимом.

– «Как ты можешь встречаться с парнем по имени Тим?» – спрашивали мою тогда еще будущую жену ее подруги, – откровенничал папа Тим. – Но мы с моей милашкой Ирмой прекрасно знали, – и тут он подмигнул своей милашке Ирме, а она подмигнула ему, – мы знали, что из нашего брака должно выйти что-то путное. И вот, посмотрите, – папа Тим Рэндон самый старший вдохновенно обвел одной рукой вокруг себя, а другой рукой погладил свой добротный живот, – посмотрите, – повторил он, – у меня все хорошо. У нас, то есть, все хорошо, – вспомнил он об остальных членах семейства, – у нас есть прекрасный дом, у нас есть прекрасная фабрика, у нас прекрасный сын и у нас прекрасный внук. А так же у нас прекрасные друзья и родственники, – вспомнил он о друзьях и родственниках. – А еще наш брак с моей милашкой Ирмой продолжается умопомрачительно долго и счастливо, и наша жизнь идет по плану, и больших неприятностей мы пока не испытывали, и крупные камни под колеса нашей жизни судьба нам еще не закидывала.

Папа Тим Рэндон самый старший, чтоб не сглазить все вышесказанное, постучал себя кулаком по голове, и все ему закивали и зааплодировали. А колоритная мама Ирма, пока никто не видит, поглощала, не могла остановиться, бело-снежно-сказочный воздушный торт.

Закончив праздничную речь, папа Тим Рэндон молодец-

ки спрыгнул со стула, и все ему опять заплодировали. А его внук Стив Рэндон, окруженный в углу комнаты неизвестными девицами, которых он успел натащить сюда даже в двенадцать часов ночи на сугубо семейный праздник, восторженно сказал:

– Ну ты даешь, дед, в твои годы вредно так прыгать со стульев.

– Твой дед – еще молодец, – заявил внуку Тим Рэндон самый старший и направился к милашке Ирме, чтобы помочь ей поесть вкусный торт.

Жена Мэла Рэндона Амалия Рэндон возлежала здесь же, в гостиной, полной народу, на белоснежной праздничной кушетке и периодически подносила к носу огромную бутылку с лекарством. И вряд ли она сама помнила, от каких болезней было то лекарство.

Но Амалии Рэндон нужно было быть бдительной в любых обстоятельствах и показывать окружающим, а знаменитому мужу – особенно, какая она больная и беззащитная, а то бы он ее давным-давно бросил. О, в этом Амалия Рэндон была больше чем уверена, она это знала наверняка.

И собравшиеся гости, согласно неписаному в этом доме этикету, периодически останавливались около ее кушетки и спрашивали бедную-несчастную Амалию о том, как она себя чувствует. На что бедная-несчастливая Амалия недовольным голосом отвечала: мол, неужели и так не видно, что, конечно

же, неважно и не так, как хотелось бы.

Мэлу Рэндону в родном доме было скучно и тоскливо. Он любил заниматься тем, чем хотел заниматься сам, а не тем, что навязывали ему другие. Но все эти люди собрались здесь только ради него, и Мэл Рэндон не мог пока на все плюнуть и уйти спать. Ближайшие пару часов, по крайней мере, еще не мог плюнуть.

Амалия незаметно наблюдала за мужем. Она прекрасно видела, что ему тоскливо, и думала: пусть он хоть тут теперь помается, а то слишком уж он там резвится во время своих бесконечных съемок.

А еще она думала о том, что пора у него наклеить очередное кругосветное путешествие. Нужно только найти врача посолидней, который мог бы ей это путешествие для поправки здоровья прописать, а то местным докторам ее драгоценный Мэл Рэндон уже, кажется, не доверяет.

Рядом с Амалией стояла ее подруга Клара и подливала масла в огонь. Клара всегда была рядом с Амалией, никто уже не задумывался, как она попала в этот дом, что она тут делает и этично ли ее проживание здесь вообще.

Клара наклонилась к Амалии и сказала:

– Кажется, наш талантливый артист в родном доме очень скучает?

– Да, в родном доме на Мэла Рэндона нападает вселенская тоска, роль примерного супруга оказалась самой трудной из всех его ролей.

– Я думаю, он неплохо отдохнул во время своих последних съемок, – беззаботно сказала Клара, – а, судя по тому, с каким вдохновением он танцевал румбу с той красоткой на корме корабля, он ни в чем себе не отказывал.

– Да, – сердито сказала Амалия, – он даже не старается делать вид, что безумно рад оказаться в семейной обстановке.

– Вы – его семья, – пожалала плечами Клара, – и вам этого вполне достаточно, зачем ему делать вид, что он безумно этому рад?

* * *

Через пару дней Мэла Рэндона уже почти не показывали по телевизору, и он вполне мог позволить себе совершить вылазку из дома к своей чайной фабрике. Значит, мне осталось ждать еще дня два, не меньше.

Именно на этих мыслях прервал меня шум распахнувшейся входной двери, и перед моим взором предстала навьюченная, как двугорбый верблюд, пакетами с продуктами моя толстая сестра Роза.

– Если бы ты имела привычку стучаться ко мне в дверь, я могла бы радостно узнавать тебя по стуку, – сказала я.

– Еще чего, стану я стучаться к тебе в дверь.

Роза поставила пакеты с продуктами прямо на пол и сердито оглядела комнату.

– Ну и где я могу тут присесть? – заявила она.

Я тоже старательно оглядела комнату.

– Чем тебя эти два дивана не устраивают? – поинтересовалась я.

На что сестра еще больше рассердилась.

– Ты прекрасно знаешь, что меня выдерживает только это кресло.

Она указала пальцем на кресло, но на нем сидела я и вставать не собиралась.

– Это просто блажь. Эти два дивана тебя тоже прекрасно выдерживают.

– Но я люблю сидеть только в кресле, а ты мне его сегодня специально не уступаешь только потому, что мы решили выдать нашу Нэнси замуж за одного из Корриганов, – сообщила сестра.

– Что ты, дорогая, моя месть будет гораздо более жестокой. Тем более что она не только ваша Нэнси, она еще и моя.

Роза не стала ничего отвечать, так как для нее еще не была исчерпана тема с креслом и переходить на другую тему было для нее слишком сложно. Таким глубоко последовательным человеком она была.

Чтобы не расстраивать ее окончательно, мне пришлось встать и уступить кресло сестре. А то она так и будет стоять целый день у входной двери и зеленеть от злости.

После того, как она радостно добилась кресла, Роза демонстративно обратила внимание на кофейник. Все понимая, я стала делать кофе, как она любит, с сахаром и слив-

ками.

– Ну что, – сказала тем временем моя сестра, – как твои дела, как каникулы, не скучаешь ли ты без своих благодарных учеников?

Я рот раскрыла от ее наглости.

– Ты разговор не переводи и от темы не уклоняйся, – сказала я.

– А я и не перевожу разговор.

– Вот и не переводи.

– Вот и не перевожу.

– Что вы там с Нэнси собираетесь сделать?

– Ах, с Нэнси, ах вот ты о чем, – прикинулась дурочкой сестра.

– Я тебя слушаю.

– А тебя что, собственно, в этой истории больше всего не устраивает? То, что мы ее выдаем замуж вообще? Или то, что мы выдаем ее замуж за одного из Корриганов?

– Этот Страшила Корриган наш с тобой ровесник, – в сердцах сказала я.

– Какой страшила, – не поняла сестра, – это ты про Билла? Ну что ты, ему лет сорок, не больше, а кто тебе сказал, что он страшила? Нэнси? Ха-ха-ха! Не слушай ее, она, как всегда, все преувеличивает.

Кофе уже готов, но я и не думаю подавать его сестре. Тогда она, немного подождав, привстала сама, налила его в маленькую чашечку, а затем опять села, поднесла чашку с кофе

ко рту и блаженно отпила глоток.

– Зря ты так нервно ко всему относишься, – сказала она, – на самом деле мы с Вилли очень долго обо всем думали. Мы думали, думали и обоудно пришли к выводу, что мы не хотим, чтобы наша родная и любимая дочь повторила судьбу одной несчастной, одинокой и небезызвестной нам женщины.

И нагло уставилась на меня. Далеко ходить не надо.

– То есть мою судьбу? – спокойно уточнила я.

– Это не я сказала.

– Вы со своим луковицей Вилли лучше бы поменьше о чем-то думали. Поверьте, от этого вашим близким людям жилось бы гораздо легче.

– Ты моего Вилли луковицей больше, пожалуйста, не называй. Он мне муж все-таки, а не неизвестно кто.

– Ты же сама его всю жизнь луковицей зовешь, – удивилась я.

– Раньше звала, а теперь не буду.

– Что так?

– Все-таки столько лет совместной жизни, – сказала сестра, глядя в потолок.

– Пора бы начать уважать собственного мужа?

– Я его всегда уважала, с самого начала.

– Ага, – кивнула я, – и называла всю жизнь луковицей.

– Ладно, хватит о луковицах.

– Хорошо, – согласилась я, – давай тогда поговорим о

Страшили Билле.

– За ним Нэнси будет как за каменной стеной, – набросилась на меня сестра, – и не такой уж он страшила.

– Ты это Нэнси попробуй доказать, а не мне.

– Нэнси – умная девушка. Она поймет, что из двух бед лучше выбрать меньшую.

– Но наша жизнь – не беда, и с ней не нужно бороться.

– Тебе с твоей философией легко об этом говорить, – перебила меня сестра, – ты всю жизнь жила в мире своей драгоценной литературы, а также в мире фантазий и иллюзий.

А мы – люди простые, нам нужна реальная почва под ногами, и те же пресловутые приземленные Корриганы нам для этого вполне подойдут. Они – то, что нам нужно.

– Это нужно вам, тебе и твоей луковице, а Нэнси – девушка особенная, она из другого материала создана, она погибнет без любви.

– Из какого такого она материала создана, если мы – ее родители, – удивилась сестра, – и мы ее с моим луковицей и создали, тьфу, то есть с моим дорогим мужем Вилли.

Я еле удержалась от смеха. Сестра тоже чуть не лопалась от хохота, но ей нужно было держать себя в руках, потому что она пришла сюда бороться со мной, а не хихикать тут.

– Но Нэнси – действительно особенная девушка, – сказала я.

– Это все твои фантазии, лучше бы ты поменьше забивала ими голову моей дочери.

– Твоя дочь и без меня прекрасно разбирается, что к чему.

– И учиться ей вовсе не обязательно, – продолжила сестра.

– Это тебя умницы Корриганы надоумили, – понимающе спросила я, – по принципу: зачем в этой жизни чего-то добиваться, все равно придется умирать?

– Это не Корриганы, это я сама, я с ними еще по этому поводу не разговаривала.

– А ты поговори, – предложила я, – может, они тебя еще чему-нибудь научат.

– Короче, хватит, – махнула Роза толстой рукой, – я устала с тобой спорить и бороться.

– А ты и не борись ни со мной, ни с Нэнси, а дай ей право на собственную жизнь.

– И проживет она свой век в мечтах о светлом и умопомрачительном счастье в будущей жизни и о том, что в этой будущей жизни некий непутевый Стив Рэндон наконец-то обратит на нее свое внимание. И они будут счастливы и неповторимы, между ними не будет никаких условностей и преград, а будет только солнце, море и золотой песок. Только вот что я тебе скажу, – наклонилась в мою сторону сестра, – я скажу, что даже если представить в самом сказочном сне, что он вдруг обратит внимание на вздыхающую по нему столько лет Нэнси, счастья у них все равно не будет.

– Это почему?

– Потому что между ними много условностей, барьеров и преград. Они – люди разных миров. Не говоря уже о том

обстоятельстве, что он даже не подозревает о ее существовании.

– Так может, ты позволишь событиям развиваться так, как есть, и не будешь все еще больше усугублять?

– Я ничего не усугубляю, я спасаю свою дочь.

– От кого ты ее спасаешь, от нее самой?

– Да, – не задумываясь, ответила Роза, – от нее самой, от ее фантазий и от твоей литературы.

– Моя литература еще никому вреда не принесла. А что касается фантазий Нэнси, в них нет ничего противоестественного. Она хочет быть счастливой, и все. Только тебе это не понять, ты никогда не любила своего луковицу Вилли, и единственная мысль, которая согревала тебя всю жизнь, это то, что ты ничем не выделяешься из толпы, ты живешь как все, у тебя есть дом, семья и запеченный гусь в духовке по праздникам. Только это не твои представления о счастье, это общепринятые представления, а свои личные мечты ты закопала в огороде под кукурузой. Вспомни, как ты мечтала быть врачом, как ты плакала, когда наши родители не пустили тебя учиться в медицинский институт.

– Ничего страшного не произошло, как видишь, я прекрасно эту трагедию пережила.

И весь мир я все равно бы не спасла, но зато за спиной моего драгоценного Вилли я живу как за каменной стеной.

– Вот именно, ты прожила свою жизнь как за каменной стеной, так дай свободу хотя бы дочери.

– Ладно, милая, – опять махнула рукой сестра, – у нас все лето впереди для того, чтобы вести эти душеспитательные разговоры, потому что Корриганы попросили нас только к сентябрю дать ответ. Так что у нас будет достаточно времени, чтобы прийти к общему знаменателю.

– Нэнси погибнет без свободы.

– Без свободы еще никто не погибал, а от свободы, по-моему, как раз погибнуть можно. Ты вспомни, сколько парней сваталось к тебе когда-то, ты самая красивая была, а что теперь? Живешь в своей свободе и целыми днями ждешь мужа чужой жены, а тебе уже за сорок, пора подводить итоги.

– Я не жду его целыми днями. Если он не придет, со мной ничего не случится.

Роза даже как-то обиделась.

– Почему с тобой ничего не случится? – поинтересовалась она.

– Потому что он и так всегда со мной.

– А-а, вон ты о чем.

Для нее такие отношения были за гранью ее понимания.

– Я знаю, что тебе трудно это понять, ты и представления не имеешь, что это такое.

– Конечно, куда мне, – вздохнула сестра, – это только вы с Нэнси – великие мастера довольствоваться безответными чувствами, а мне за моей глухой стеной по имени Вилли неведомы никакие эмоции, кроме огорчения по поводу подгоревшего гуся в духовке.

Я улыбнулась.

– Кстати, как он поживает, – поинтересовалась сестра, – твой великолепный Мэл Рэндон?

– Думаю, нормально.

– Он придет?

– Может, придет, – пожала плечами я.

– А что, может не прийти? – удивилась сестра.

– Да, может настать и такой момент в наших биографиях.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– У меня нет другого выхода.

Роза недоуменно пожала плечами, ее всегда удивляло мое спокойствие. Но бросаться ей на грудь и горько плакать оттого, что моя жизнь сложилась так, а не иначе, я не собиралась.

– За прошедшие два дня его раз пятьдесят показывали по телевизору, мой Вилли пытался подсчитать, да сбился, – сказала Роза, чтобы как-то меня поддержать, – а как сегодня? Его показывают сегодня?

– Уже не показывают, сегодня весь день показывают потоп на Двадцать второй улице.

– А-а, – кивнула сестра, – тоже весьма примечательное событие для нашего маленького городка.

Затем она еще немного посидела, повздыхала, позаглядывала в пустую чашку из-под кофе и, решив, что своим человеческим теплом и участием она меня на сегодня достаточно согрела, стала собираться домой.

– Я пошла, – сказала она, – а то я у тебя засиделась. А ты не скучай, заходи в гости, человек не должен постоянно быть один.

– Зайду как-нибудь, ты слишком обо мне не беспокойся. Я проводила сестру до двери и помогла собрать ее многочисленные пакеты.

А потом я вышла из дома проводить ее взглядом до калитки и увидела, что розовое дерево почти совсем засохло и скоро настанет такой день, когда его в моем саду не будет больше никогда.

* * *

Три длинных и два коротких автомобильных гудка я услышала через два дня утром. Я мыла посуду, и у меня выпала чашка из рук. Она упала на пол и разбилась на тысячу мелких осколков, но это было уже неважно.

Я подошла к двери, но не стала ее открывать, а встала рядом, прислонившись спиной к стене, и закрыла глаза. Надо мной тут же нависла оглушающая тишина моего одинокого дома. Только стук моего сердца нарушал эту тишину.

Через некоторое время дверь отворилась, и я услышала чьи-то осторожные шаги и почувствовала теплое дыхание совсем близко. Знакомые сильные руки обняли меня, огромное теплое счастье поглотило, накрыло собой и разлилось по каждой клеточке моего уставшего тела.

– Слушай, бэби, – произнес голос Мэла Рэндона, – а вдруг это не я?

– Какой я тебе бэби, – сказала я, не открывая глаз, – мне уже давно за сорок.

По нахлынувшему на меня дыханию я поняла, что он смеется. Мэл осторожно постучал подушечками пальцев по моей щеке и сказал:

– Открой глаза.

– Ни за что, – сказала я.

Тогда он поднял меня на руки и понес в глубь дома. Я осторожно открыла глаза. О, эти его складки на лбу и морщинки около глаз. Нет ничего прекраснее на свете, чем видеть так близко рядом с собой лицо дорогого тебе человека.

Мэл положил меня на кровать.

– Ваше последнее слово, бэби? – сказал он мне, тяжело дыша.

Я чуть качнула головой, я не в силах была говорить какие-то слова, и он это понял. Я опять закрыла глаза, погружаясь все глубже и глубже, на самое дно его тепла, дыхания и естества.

А так же на дно моих безумных грез, мечтаний и несбывшихся снов.

Мы с ним редко виделись. И поэтому каждая встреча была, как в первый раз. Наши тела и души успевали настолько истосковаться друг по другу, что каждый раз все было как взрыв, как наводнение, как неизлечимая болезнь, безмерное

счастье и все стихийные бедствия мира вместе взятые.

Тяжесть разлуки и упоительное счастье каждой новой встречи ходили рука об руку. Думаю, именно это давало нашим отношениям такую долгую жизнь. Когда человек, которого ты хочешь видеть рядом с собой каждую секунду, вынужден месяцами быть где-то вдали от тебя, тогда каждое мгновение ваших встреч – дорогого стоит.

Так что неизвестно сколько времени прошло, пока мы с Мэлом не обнаружили себя мирно лежащими под моим разноцветным одеялом. Мы молчали, у нас не было слов, а мимо окна спальни по своим неземным делам влажно проплывали большие белые облака.

– Вон то облако похоже на тебя, – сказала я Мэлу.

– Чем же? – удивился Мэл.

– Просто похоже.

– Своей неповторимостью, – догадался он.

– Ага, – улыбнулась я, – неповторимостью.

– Ну тогда вон то, большое, похоже на твою толстую сестру Розу, а маленькое, рядом с ним, на тебя.

Я улыбнулась.

– Странно, – сказала я, – мы в кои-то веки находимся рядом друг с другом, а смотрим на какие-то облака.

– Такова человеческая натура, – сказал он, обнимая меня, – не замечать того, что рядом, и безумно скучать по этому на расстоянии.

– И если бы я сейчас была ежесекундно рядом с тобой, ты

скупал бы по кому-нибудь другому? – поинтересовалась я.

– Нет, что ты, как можно? Ты – совсем другое дело, с тобой у нас все было бы по-другому, – стал отвечать благородный Мэл Рэндон. – Да ты и так ежесекундно со мной, ты всегда со мной, какие бы расстояния нас не разделяли, ведь ты живешь в моем сердце, – наконец-то выкрутился он.

– Очень мило с твоей стороны говорить мне это, – улыбнулась я.

– Слушай, давай поедem куда-нибудь, – предложил Мэл. Он ни секунды не мог сидеть на одном месте.

– Прямо сейчас? – удивилась я.

– Да, сейчас, я тебя давно не видел, и у меня в машине есть все для завтрака.

Мэл сел на кровати, уже приготовившись куда-то бежать.

– Но, дорогой мой, не забывай, что ты пришел ко мне рано утром, когда город еще спал. А сейчас все давно проснулись, и наверняка народ только и занимается тем, что теряется в догадках, чья это потрепанная машина стоит у меня перед домом, и благородные соседи уже навели на мою входную дверь фотоаппараты.

– Я думаю, весь город и так прекрасно знает, чья машина может стоять у тебя перед домом. Так что мы не прибавим масла в огонь, если спокойно выйдем, сядем в эту машину и поедem, куда захотим.

Мэл все-таки уговорил меня, и мы начинаем собираться. Мы нисколько не волнуемся о том, что подумают люди,

но перед выходом из дома все же решаем надеть на голову Мэла черный чулок, чтобы обеспечить себе какую-то защиту от посторонних любопытных глаз. На плечи Мэл накинул клетчатый плед.

И в таком виде мы выходим из дома.

– Что у тебя тутросло? – спрашивает Мэл, указывая пальцем на то место перед входом в дом, где совсем недавноросло мое розовое дерево. Теперь только сухие коричневые ветки склонялись к земле.

– Здесь в скором времени я похороню свои мечты.

– Не вздумай этого делать, – совершенно серьезно сказал Мэл, – как мы будем без них жить?

Я улыбнулась, взяла его под руку, и мы важно двинулись по узкой каменной дорожке к калитке, за которой стояла его развалюха.

Я ничего не понимаю в его старых автомобилях, по-моему, Мэл коллекционирует их только для того, чтобы ездить ко мне на свидания.

Где-то с середины дорожки мы заметили группу подростков, которая стояла недалеко от моего забора и вела оживленную беседу, издалекарзглядывая неизвестный на этой улице автомобиль.

– Не обращай внимания, – сказала я Мэлу, – это мои ученики.

– Но, я надеюсь, у них тоже хватит такта не обратить на нас внимания?

– Даже не сомневайся в этом, – заверила я.

И в тот же самый момент подростки удивленно застыли, глядя в нашу сторону, и одновременно несколько голосов на всю улицу возбужденно произнесли:

– О, смотрите, это же Мэл Рэндон!

На что Мэл схватил меня за руку, и мы побежали к машине. Он втолкнул меня в машину, залез сам и завел мотор. И мы, задыхаясь от смеха, быстро поехали по улице, пока сюда не сбежался любопытный народ.

– Ты скоро окончательно погубишь мою репутацию, – сказала я.

Мэл улыбнулся. Он так и не снимал чулка с головы всю дорогу, мы так и ехали. А прохожие, встречавшиеся по пути, ничего не понимали и застывали на месте вне себя от радости, что увидели такое своеобразное привидение за рулем.

* * *

Мэл привез меня в славное место за городом. Прямо на отвесном берегу реки мы расстелили скатерть и разложили продукты, которые Мэл извлек из большой корзины, стоявшей на заднем сиденье его машины.

Мэл постелил на траву плед, я легла и закрыла глаза.

– Чувствую себя королевой, – сказала я.

Мэл улыбнулся. Сквозь прищуренные ресницы я наблюдала за каждым его движением. Он достал из корзины бу-

тылку вина, фужеры, сыр, листья салата, ветчину, маленькие булочки и многое другое. Он делал бутерброды и раскладывал их на небольшое блюдо, которое тоже извлек из корзины.

– Почему ты улыбаешься? – спросил он.

– Представляю, как ты собирал эту корзину.

– О, часа в три ночи я пробрался на кухню и сам все это упаковал.

– А кроме тебя никто не мог туда пробраться и подсыпать нам яду?

– Нет, что ты, не волнуйся, во-первых, никто из домашних никогда не спускается на кухню, в доме считается, что кухня – это территория прислуги. А во-вторых, никому нет резона таким образом избавляться от меня, ведь я – их золотая жила, кроме меня в доме никто не работает и работать не собирается.

– Как дела на твоей чайной фабрике? – спросила я только для того, чтобы отвлечь его от мыслей о домочадцах, да и мне, пожалуй, ни к чему было что-либо о них знать.

– Все хорошо, – стал добросовестно рассказывать Мэл, – я заключил договора на новые поставки и пригласил специалистов с медицинским образованием.

– Зачем?

– Хочу выпускать различные упаковки чая, это будет не просто чай, а нечто вроде панацеи от всевозможных болезней и состояний духа.

– И как ты этого добьешься?

– Различные добавки в чай, в основном травы.

– Это еще зачем? Чай должен быть чаем и больше ничем,

это идет испокон веков.

– Цивилизация, – развел руками Мэл.

Я рассмеялась.

– Только не впутывай сюда цивилизацию, при чем здесь она?

– Но то же самое ты делаешь на своей кухне. К тебе приходят люди, и ты делаешь им чай с травами от всех недугов.

– Может, возьмешь меня к себе на работу?

– Ты будешь главным консультантом. Так вот, дальше. Ты думаешь, не будет пользоваться успехом успокаивающий чай с тонизирующими травами, чай с листьями боярышника для сердечников, чай с корнями одуванчика...

Мэл Рэндон крепко задумался, для чего нужен чай с корнями одуванчика, а я, вместо того чтобы его поддержать, мило продолжила:

– Чай из кукурузных рылец для больших любителей кукурузы.

Мэл внимательно посмотрел на меня.

– Мэл, лечебные травы как-то издревле принято покупать в аптеках, а чай люди пьют только потому, что хотят пить чай.

– Но сейчас людям лень и некогда идти в аптеку, они недооценивают лечебные возможности трав.

– А твой чай они непременно будут покупать?

– Я же не собираюсь весь мир заполнить своим чаем, я хочу сделать пробную партию.

– И какова моя задача?

– Твоя основная задача – поддержать меня.

Я откинулась на спину и закрыла глаза.

– Мэл, ты замечательный актер, зачем тебе еще и это?

– Мне это нужно. Я должен постоянно что-то делать, я не могу без дела. Ты в меня веришь?

Наступила тишина. Ему это было важно.

Я открыла глаза и посмотрела на него.

– Мэл, в сердцах стольких людей оставляют глубокий след замечательные фильмы с твоим участием, а тебе важно, верит ли в тебя учительница литературы из крохотного провинциального городка?

– Мне это очень важно.

Он откинул со лба светлые волосы и смотрел мне в глаза.

Тогда я привстала на локте и сказала:

– Мэл Рэндон, я просто верю в тебя. Не в твои дела, в твои дела пусть верят другие люди, я верю в тебя как в человека, и все. А еще я верю в то, что в будущей нашей жизни я буду высокой длинноногой блондинкой, и ты наверняка обратишь на меня свое внимание. И тогда мы сбежим от всех на необитаемый остров в огромном голубом океане, над нашими головами будет синее небо, под ногами будет золотой песок, а еще мы встретим горы любви.

Мэл улыбнулся.

– Горы любви?

– Да, горы любви. Все знают, что они где-то существуют.

Правда, ни один человек их еще не встретил.

Мэл подошел ко мне и лег рядом.

– Вся моя жизнь, – сказал он, – это одна сплошная неопределенность, но ты у меня – прелесть. И в будущей нашей жизни тебе совершенно не обязательно быть высокой длинноногой блондинкой, я обращаю на тебя внимание в любом случае. Кем бы ты ни была, я непременно узнаю, что это – ты.

– Ты уверен?

– О да, конечно, – улыбнулся он.

И он наклонился ко мне, прижался к моему лицу и закрыл мне солнце.

– Ты закрыл мне солнце, – сказала я и почувствовала, что он опять улыбается.

* * *

Вечером ко мне пришла Нэнси, и вид у нее был – счастливей некуда.

– Привет, тетя Анна, – сказала она еще с порога, – поздравь меня, я познакомилась со Стивом Рэндоном, и он теперь знает, что я существую.

– Да ты что, быть не может, – поразилась я, – как тебе это удалось?

– Я устроилась на работу.

– Куда, дитя мое?

– Я устроилась горничной в один богатый дом.

– Зачем тебе это, – удивилась я, – ты бы лучше к поступлению в университет готовилась. С твоими способностями к языкам и знаниями в области литературы не стоит разбрасывать себя по пустякам.

– Моя жизнь остановлена, никакие университеты меня не интересуют.

– В восемнадцать лет твоя жизнь остановлена? Не смей меня.

– Да-да, – покивала головой Нэнси, – в конце лета я выхожу замуж, это последнее лето моей свободы.

– И ты проведешь это лето, работая горничной в каком-то чужом доме?

Я увидела, как Нэнси улыбнулась сама себе.

– Это дом Рэндонов, – сказала она.

– Это дом Рэндонов?

Я чуть не упала.

– Да, – спокойно сказала Нэнси.

– И как это тебе удалось, – я села рядом с Нэнси, – как тебе удалось попасть туда?

– Все очень просто. Амалия Рэндон подала заявку в местное бюро услуг, что ей нужна помощница по хозяйству. Я узнала, что она постоянно подает туда заявки, она меняет работников, как перчатки, такой у нее неуживчивый характер. Я предложила им свою кандидатуру, и они послали ме-

ня в их дом. Амалия Рэндон оглядела меня и сказала, что я ей подойду. Так вот, сегодня меня ввели в курс дела и познакомили со Стивом Рэндоном, с папой Тимом Рэндоном и его милашкой Ирмой. Только одного популярного актера почему-то весь день не было дома, – остановила на мне проницательный взгляд чувствительная Нэнси.

Я не стала развивать тему сегодняшнего местопребывания одного популярного актера и перевела разговор.

– Что входит в твои обязанности?

Нэнси пожала плечами.

– Не знаю, какая разница, – беззаботно ответила она, – я буду видеть Стива Рэндона собственной персоной.

– А также всех его девиц, – попыталась я опустить ее на землю.

– Как ты, однако, неромантична, тетя Анна.

– Это я-то неромантична? – улыбнулась я.

Когда я провожала Нэнси до ограды, на крыльце дома напротив появился толстяк Хаггард.

Он улыбнулся нам и помахал рукой. Не так часто мы встречались на улице, хотя наши дома стояли друг напротив друга.

– Мама сказала, что он сватался к тебе лет двадцать тому назад, – сказала Нэнси.

Я улыбнулась.

– Эта цифра кажется тебе баснословной?

– Нет, что ты, – Нэнси тоже улыбнулась, – я понимаю го-

раздо больше, чем ты думаешь.

– Что еще тебе сказала твоя мама?

– Что этот толстый человек до сих пор в тебя влюблен.

Это так?

– Да. Целыми днями я так и чувствую, как он постоянно наблюдает за мной там, за своими выцветшими занавесками.

– Как грустно... Нам отпущен какой-то миг для жизни, но еще практически никому не удалось прожить этот миг так, как ему хотелось.

– Ого, – сказала я, – а ты действительно понимаешь гораздо больше, чем кажется.

Толстяк Хаггард дождался, пока Нэнси уйдет, и подошел ко мне. Не часто он решался на такой шаг.

– Здравствуй, Анна, – сказал он.

– Здравствуй, Фил, – сказала я.

– Не часто мы с тобой встречаемся на улице.

– Не часто.

– Хотя наши дома стоят напротив друг друга.

– Да.

– Я хотел тебе сказать, – начал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.